Научная статья

Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду)

https://doi.org/10.31483/r-149779
УДК 81'42+ 81'255.2:811.111-26

Яковлев А. И.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Резюме. Данное исследование посвящено лингвоаксиологическому и транслатологическому анализу двух рассказов ганской писательницы А. А. Айду и ставит целью выявление языковых и текстовых маркеров авторских языковых средств выразительности. Рассмотрению подвергаются 20 фрагментов текста, взятых из рассказов «For Whom Things Did Not Change» и «Other Versions», опубликованных в сборнике «No Sweeness Here». В результате лингвистического и стилистического анализа сильных текстовых позиций и аксиологически нагруженных фрагментов текста выявляются маркированные единицы всех языковых уровней (от фонетико-графического до синтаксического), которые затем подвергаются транслатологическому анализу с целью определения трансформаций, необходимых для передачи ценностных ориентаций писательницы в художественных переводах произведений на русский язык. По результатам исследования отмечается, что А. А. Айду выражает собственные ценностные ориентации при помощи различных средств выразительности, часто выступающих в отношения конвергенции; аксиологически нагруженными также являются интертекстуальные отсылки и заглавия. Текст оригинала значительно трансформируется при переводе, при этом некоторые изменения подобного рода нельзя назвать достаточно обоснованными. Тем не менее широкий набор трансформаций позволяет переводчикам в целом успешно решать задачу передачи аксиологически нагруженного текста русскому читателю.

Ключевые слова: художественный текст, художественный перевод, лингвистический анализ текста, лингвостилистика, лингвоаксиология, литература Ганы.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

Для цитирования: Яковлев А. И. Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду) // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 29-36. DOI 10.31483/r-149779. EDN XEXRSA

Research Article

Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo)

Artem I. Yakovlev
Yaroslavl State Pedagogical University
Yaroslavl, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Abstract. The article is devoted to linguistic analysis of two short stories by Ghanaian writer Ama Ata Aidoo from the standpoint of linguistic axiology and translation studies. The research helps identify language and text markers of the author's expressive means in 20 contexts taken from the short stories "For Whom Things Did not Change" and "Other Versions" from the short story collection "No Sweetness Here". The axiologically filled contexts are identified based on the writer's system of values as outlined by Russian and foreign literary critics. The research suggests that it is possible to delineate various language units functioning on all levels of the language – from phonology and graphics up to syntax. The axiologically marked units are then analysed from the perspective of translation studies in order to understand how the writer's system of values can be expressed while translating her works into the Russian language. It is noteworthy that Ama Ata Aidoo uses a wide range of expressive means, often combining them, in order to convey her system of values. She also uses intertextual elements and titles for the same purpose. That said, the Russian translations of these short stories significantly transform the original texts, with some of these transformations being rather questionable. Nonetheless, the research makes it possible to assume that the system of transformations undertaken by translators helps them achieve the transmission of Ama Ata Aidoo's values in Russian texts rather successfully.

Keywords: text analysis, linguistic stylistics, linguistic axiology, literary texts, translation of literary works, Ghanaian literature.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the State assignment to Yaroslavl State Pedagogical University for 2025 from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Axiological foundations of the formation of students' value orientations within the framework of international academic mobility in higher education systems in Russia and West Africa (Ghana, Côte d'Ivoire)" (registration number 720000F.99.1.BN62AB84000).

For citation: Yakovlev A. I. (2025). Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(3), 29-36. EDN: XEXRSA. https://doi.org/10.31483/r-149779.

CC BY

Введение

Художественная литература, в которой отражается точка зрения автора, зачастую характеризуется высокой аксиологической нагруженностью, поэтому является богатым эмпирическим материалом, на основе которого представляется возможным выявить ценностные ориентации писателя как влиятельного представителя общества.

Кристина Ама Ата Айду (1942–2023) традиционно считается одной из наиболее значимых писательниц современной Ганы. Критики отмечают, что творчество А. А. Айду характеризуется чрезвычайным разнообразием: писательница публиковала как крупную прозу, так и рассказы; ее перу принадлежат пьесы, стихотворения, несколько произведений для детей. Среди основных тем, пронизывающих творчество автора, отмечаются осмысление места Африки в условиях колониализма и постколониализма, роль женщины в Африке. Придерживаясь идеи о том, что подлинная свобода Африки возможна только в случае раскрепощения сознания проживающих в современной Африке народов, А. А. Айду высказывалась о необходимости переосмысления места женщины в африканском обществе[1]. Писательница занималась не только литературным творчеством, но и общественно-просветительской деятельностью: так, в 1982–1983 гг. она была министром образования Республики Гана, а в 2000 г. основала Фонд Мбаасем (Mbaasem Foundation), оказывающий поддержку молодым писательницам Западной Африки.

Некоторые произведения писательницы переводились на русский язык и были опубликованы в антологиях «Современная африканская новелла», «Африканская новелла»[2] и др. В предисловиях к изданиям отмечается, что А. А. Айду пишет о необходимости нравственного очищения, которое актуально не только для молодых африканских стран, но и для всего мира, ведь коррупция и злоупотребление привилегированным положением – это проблемы, тормозящие развитие всего современного общества.

Творчество писательницы становилось предметом изучения в работах многих зарубежных исследователей. Так, К. Комбате и А. Моро рассматривают образ женщины и тему насилия в рассказах, опубликованных А. А. Айду в раннем сборнике «No Sweetness Here» («Ни капли сладости» (перевод заглавия сборника выполнен нами. – *А. Я.*) [Kombate, Moro, 2021]. Б. Ньямвиза фокусирует внимание на разнице в репрезентации женщин старого и нового поколений Ганы в творчестве писательницы и отмечает, что женщины нового образца – сильные, независимые, ищущие гармонию и возможности изменить окружающий мир к лучшему [Nyamwiza, 2023, с. 28]. В статье, посвященной памяти А. А. Айду, Р. Сакейфио выявляет основные темы и конфликты, получившие свое отражение в произведениях автора: растущую урбанизацию, вызовы нового, постколониального мира, влияние политического, социального, экономического контекста на жизнь современной африканской женщины [Sackeyfio, 2023, с. 1033–1034]. Идиостилю писательницы посвящена работа А. С. Кадеми, в которой рассказ «For Whom Things Did Not Change» рассматривается с позиции использования различных регистров для передачи культурных и социальных особенностей персонажей: так, Кобина, молодой доктор, характеризуется использованием грамотного английского языка в рамках разговорного регистра, в то время как Зиригу, главный персонаж рассказа, общается при помощи западноафриканского пиджина [Kademi, 2022, с. 45–47].

Несмотря на значимость творчества А. А. Айду для западноафриканской и мировой литературы, оно редко привлекало внимание отечественных ученых. Некоторые аспекты работ писательницы рассматривались в статьях Н. Ю. Ильиной[3]. Исследовательница отмечает, что в ранних рассказах автор обращает внимание на такие фундаментальные вопросы, как брак, любовь, семья, необходимость образования в условиях независимых африканских государств. М. А. Кузина изучает прецедентные феномены[4] и окказионализмы[5] в постколониальном художественном дискурсе, но использует произведения А. А. Айду в качестве материала для сплошной выборки, не анализируя рассматриваемые единицы в более широком контексте. В статье, посвященной необходимости использования родной литературы в рамках обучения профессиональному языку, Е. В. Астащенко отмечает роль христианских ценностей в творчестве писательницы [Астащенко, 2023, с. 82]. Представители Тюменского индустриального университета в рамках эксперимента работали над переводом поэтического текста А. А. Айду[6]. Ими отмечается, что в тексте писательницы содержится большое количество культурных отсылок, которые воссоздают в тексте тему преемственности поколений в ганском обществе, передачи древних традиций.

Вместе с тем произведения А. А. Айду не были предметом лингвистического и лингвоаксиологического анализа, также не рассматривались переводы малой прозы писательницы на русский язык с точки зрения транслатологии. В связи с этим определяется цель исследования – выявление лингвоаксиологических особенностей стиля А. А. Айду и трансформаций, необходимых при их передаче при художественном переводе на русский язык.

Данная цель подразумевает решение следующих

[1] Killam D., Rowe R. The Companion to African Literatures. Oxford : James Currey ; Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2000. 322 p.

[2] Айдоо К. А. А. Всякая работа есть работа… // Современная африканская новелла. Москва, 1972. С. 58–64; Айду А. А. Сестры, Телеграмма // Африканская новелла. Москва, 1987. С. 125–146.

[3] Ильина Н. Ю. Англоязычная художественная литература Ганы // Африка: слагаемые современного развития. Москва, 2014. С. 269–282.

[4] Кузина М. А. Особенности функционирования библейских прецедентных имен в англоязычном мультикультурном художественном дискурсе // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел, 2018. С. 255–259.

[5] Кузина М. А. Окказиональные многокомпонентные композиты как особенность идиостиля англоязычного писателя-мультикультуралиста // Казанская наука. 2018. № 6. С. 78–80.

[6] Агбей С. К., Никулина Н. А. Перевод поэтического текста как методический прием и факт межкультурной коммуникации // Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика. Тюмень, 2018. С. 231–236.

CC BY

задач: выявление текстовых фрагментов в рассказах А. А. Айду, отражающих ценностные ориентации писательницы; анализ языковых средств выразительности, позволяющих автору сформировать аксиологическую нагруженность текста и передать ее читателю; установление трансформаций, применяемых переводчиками при передаче аксиологически нагруженных фрагментов текста на русский язык.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили два рассказа А. А. Айду: «For Whom Things Did Not Change» («Перемены…») и «Other Versions» («Деньги для матери»). Данные рассказы были выбраны для исследования, так как они были опубликованы в одном сборнике «No Sweetness Here», представляющем раннее творчество писательницы, а также были переведены двумя разными переводчиками для литературного альманаха «Ганская новелла». При анализе рассказов рассматривались сильные позиции художественного текста: начало, конец произведения, заголовки[7]. Кроме этого, аксиологически нагруженные фрагменты текста выявлялись в соответствии с описанными выше ценностными ориентациями писательницы, установленными отечественными и зарубежными литературоведами.

Цитаты из рассматриваемых рассказов и их переводов, словарные дефиниции приводятся по следующим источникам: Aidoo A. A. No Sweetness Here. New York : Doubleday & Company, 1971. 156 p.; Ганская новелла. Москва : Известия, 1987. 160 с.; Cambridge Dictionary Online. URL : https://dictionary.cambridge.org; Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

В рамках исследования использовались общефилософские методы сравнения и наблюдения. Из общефилологических методов применялись структурный, дистрибутивный, семиотический, а также метод анализа языковых единиц в контексте их употребления.

Тексты А. А. Айду подвергались лингвистическому и стилистическому анализу, методика которых подробно описана в работе Н. С. Болотновой[8]. Также в рамках исследования применялся метод лингвистического комментирования[9], без которого невозможно рассмотрение языкового выражения ценностных ориентаций автора.

Принципы лингвоаксиологического анализа были определены Е. А. Гольцевой [Гольцева, 2022, с. 226–228]. Он заключается в выявлении маркеров – языковых и текстовых маркеров авторских языковых средств разных уровней (фонетико-графических, лексико-семантических, синтаксических), которые должны быть корректно интерпретированы с целью осознания и глубокого понимания авторских ценностных ориентаций. Таким образом, лингвоаксиологический анализ можно рассматривать как подвид лингвистического и стилистического анализа, в рамках которого обнаруживаются аксиологически маркированные единицы, позволяющие выявить ценности писателя.

При анализе перевода аксиологически нагруженных контекстов рассматривались стратегии и принципы перевода художественных текстов, представленные в работах В. Н. Комиссарова[10] и И. С. Алексеевой[11]. Основные приемы и трансформации, к которым может прибегать переводчик в процессе работы над художественным текстом, описаны Я. И. Рецкером[12].

Результаты исследования и их обсуждение

Рассказ А. А. Айду «For Whom Things Did Not Change» состоит из серии диалогов между Зиригу, темнокожим слугой и поваром, работающим в гостевом доме, его женой Сету и молодым доктором Кобиной, также темнокожим, представляющим новое поколение свободной Африки: согласно его мнению, в новых государствах не должно быть места социальной иерархии и устаревшим стереотипам. Как отмечается в литературоведческих работах, основной идеей рассказа является отсутствие каких-либо социальных изменений с приходом независимости: белые элиты сменились новыми, темнокожими, которые ведут себя таким же образом, как и их предшественники – берут в жены девочек, содержат женщин в незаконном рабстве, неуважительно относятся к старшим, оставляют своих же соплеменников без средств к существованию, а многие представители нового поколения – в частности, молодые девушки – подстраиваются под сложившиеся правила вместо попыток бороться с несправедливостью[13]. Писательница подчеркивает эту мысль, помещая в сильную текстовую позицию, в финал рассказа, риторический вопрос: *My young Master, what does "independence" mean?* 'Мой молодой господин, что значит «независимость»?' (здесь и далее подстрочный перевод выполнен нами. – *А. Я.*), в которой в контекстуальное противопоставление вступают лексические единицы *master* 'in the past, a servant's master was the man they worked for' (господин, в прошлом господин слуги – человек, на которого они работали) и *independence* 'the quality of being able to look after yourself and not need money, help, or permission from other people' (независимость – качество, позволяющее заботиться о себе, не требуя денег, помощи или разрешения от других людей). В переводе С. Россовской этот риторический вопрос звучит еще более эмоционально: происходит экспликация наивности Зиригу благодаря трансформации вопроса в косвенный и добавлению сочинительного союза: *Мой молодой господин, скажите, а что значит «независимость»?*

[7] Стрельцова Е. В. Сильные позиции художественного текста: начало и конец произведения (на материале произведений Р. Даля) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 1, том 1. С. 31–37.

[8] Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва : Флинта, 2023. 520 с.

[9] Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Флинта, 2022. 416 с.

[10] Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.

[11] Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, Москва: Академия, 2004. 352 с.

[12] Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. Москва : Р. Валент, 2007. 244 с.

[13] Mboyingingo C. Unanswered Questions, Unattended Quests. Ama Ata Aidoo's Short Stories // Telling Stories. Postcolonial Short Fiction in English. Amsterdam, Atlanta, 2001. P. 269–276.

CC BY

На уровне паратекста необходимо обратить внимание на заглавие произведения: в названии «For Whom Things Did Not Change» автор указывает на таких героев, как Зиригу и Сету – людей, для которых с началом независимости страны жизнь никак не изменилась. При этом используется эллиптическая конструкция – в заглавии придаточное относительное функционирует без референта. Грамматическое оформление заглавия может быть интертекстуальной отсылкой как к роману Э. Хэмингуэя «For Whom the Bell Tolls» («По ком звонит колокол»), так и к «Meditation XVII» («Медитация 17») Дж. Донна, послужившему прецедентным текстом для романа американского автора. С одной стороны, эллипсис позволяет писательнице увеличить дистанцию между читателем и героями ввиду отсутствия главной части предложения с референтом-указанием на них, но с другой стороны необходимо заметить, что в прецедентном тексте Дж. Донна содержится ответ на вопрос, обращаемый к самому читателю: *It tolls for thee* 'Он звонит по тебе'. Представляется возможным, что таким образом А. А. Айду вступает в диалог с читателем, намекая, что ситуация в обществе не поменялась не только для героев рассказа, но и для каждого из нас. В переведенном тексте, однако, интертекстуальная отсылка не сохраняется, а обнаруживается трансформация через антонимию («Перемены…»), которая делает указание на героев более имплицитным, в том числе благодаря используемой фигуре умолчания.

Как уже отмечалось выше, на текстовом уровне противопоставление между поколениями выражается при помощи намеренного столкновения идиолектов персонажей: Зиригу в своей речи использует пиджин (*You say make I com' wake you. Make I com' wake you for eight. Eight o'clock 'e reach.* 'Ты говоришь прийти и разбудить тебя. Прийти и разбудить тебя в восемь. Восемь наступило'); речь Кобины характеризуется преимущественно нейтральным регистром стандартного английского языка, но в одном случае он намеренно переходит на знакомую Зиригу разновидность английского (*But 'e be white man chop – Zirigu, I no be white man* 'Но это еда белого человека – Зиригу, я не белый человек' (в оригинальном тексте обе ремарки представлены с сохранением фонетических, лексических и грамматических особенностей ганского пиджина), что позволяет персонажу в разговоре с простым слугой эксплицитно манифестировать собственную принадлежность к тому же классу людей, тем самым нивелируя социальную иерархию. Так как передача такого противопоставления в переводе невозможна, происходит компенсация путем воссоздания сказового повествования: в частности, переводчица намеренно нарушает порядок слов, помещая обстоятельства либо в начало предложения, либо между подлежащим и сказуемым (*В мои года уж поздно с теми, кто выше стоит, фамильярничать начинать*).

Интересно, что уже в первой подглаве, с которой и начинается рассказ, писательница предвосхищает основной конфликт произведения, стирая грань между молодым доктором и его слугой. Это происходит благодаря параллелизму – троекратным повторам звукоподражаний, имитирующих стук в дверь, междометий, представляющих возгласы еще не проснувшегося Кобины, и графона *Massa*, воссоздающего искаженное произношение Зиригу слова *Master: Knock… knock… knock… <…> Massa, Massa, Massa… A-ha? A-ha? A-ha?* В переводе С. Россовской такие параллельные структуры сохраняются не полностью, а междометия полностью снимаются, из-за чего читатель не может в полной мере осознать отсутствие социальной дистанции между героями: *Тук… тук… тук… <…> – Масса, масса, масса… – Ну что такое?* Достаточно спорным переводческим решением кажется и транслитерация графона, который не подвергается переводческому комментарию и может быть понят читателем только к середине рассказа, где происходит подмена компонентов в речевом клише Зиригу (*мой молодой масса – мой молодой господин*).

Сету, жена Зиригу, по замыслу писательницы не знает английского языка, что отмечается Кобиной (*... with the few words of my language she knew…* 'используя те несколько слов моего языка, которые она знала'), однако ее прямая речь передается автором на английском языке с намеренной эмфатизацией: это проявляется, например, в риторических вопросах с отрицанием при описании молодого поколения (*Do they not come from homes? Have they not got fathers and mothers?* 'Разве у них нет родного дома? Разве у них нет отцов и матерей?'), анафорических повторах при критике молодежи и их родителей (*I spit upon such big men! I spit upon such mothers! I spit upon such daughters!* 'Я плюю на таких больших людей! Я плюю на таких матерей! Я плюю на таких дочерей!'), эмфатических конструкциях с *do / does* и парцелляцией при описании изменений в обществе (*No, my husband. But times do change.* 'Нет, мой муж. Но времена все же меняются'). В переводе эмфатические структуры сохраняются, но используются в соответствии с нормами языка перевода. Так, наряду с вопросами обнаруживаются восклицания с эллиптическими конструкциями (*И ведь не бездомные какие! Или у них отца с матерью нет?*), анафора в отдельных случаях сменяется повторами в других позициях, например, симплокой и анадиплосисом, что добавляет разнообразия речи Сету (*Плевать мне на господ таких, на матерей таких, на таких дочерей*). Наконец, эмфаза воссоздается в переводе при помощи отступления от обычного порядка слов (*Времена меняются, муж мой*). Все это приводит к смешению идиолектов Сету и Зиригу в тексте перевода: при передаче речи обоих персонажей используются сказовые особенности. Происходит значительное отступление от текста-оригинала: в переводе не сохраняется противопоставление пиджина Зиригу и речи Сету, представляющей собой преимущественно стандартный английский язык, но африканизированный путем привнесения в него характерных для фанте особенностей синтаксиса (порядка слов) и фразеологии (использования типичных для местного языка метафор). Тем не менее, этот контраст между идиолектами мужа и жены важен, так как он позволяет автору выразить собственные ценностные ориентации, касающиеся ролей мужчины и женщины в обществе [Kademi, 2022, с. 49].

CC BY

Именно через речь Сету со свойственной ей метафоризацией А. А. Айду выражает свое недовольство молодым поколением Ганы. В речи Сету юные девушки описываются с использованием фигуры сравнения и деперсонификации – частного случая метафоры, противоположного фигуре олицетворения: *He certainly did not bring one of those nasty pieces with their heads swollen outside and inside like the meat and feathers of overfed turkeys.* 'Он точно не привел одну из этих мерзостей, у которых головы раздуты снаружи и изнутри, будто мясо и перья перекормленных индюшек'. Здесь наблюдается конвергенция лексических средств выразительности: с одной стороны, девушки описываются как нечто неживое – *nasty pieces* 'неприятные образцы', что является окказиональным фразеологизмом *a nasty piece of work* 'a very unpleasant person' (неприятный тип), трансформированным путем усечения, а метафорический эпитет *swollen* 'раздутый' приводит к гиперболизации создаваемого образа. Такие конструкции с нанизыванием лексических и лексико-грамматических средств выразительности можно отнести к особенностям идиолекта персонажа, построенным на моделях, характерных для языков местного населения. Схожая метафоризация и метонимизация проявляется и при описании юного возраста девушек, готовых встречаться с пожилыми мужчинами ради собственной материальной выгоды: *…when young girls who have seen their blood not many moons gone, go sleeping with men who are old enough to be their fathers…* '…когда молодые девушки, увидевшие свою кровь лишь несколько лун назад, отправляются спать с мужчинами, которые по возрасту им в отцы годятся'. В переводе такие особенности передаются средствами выразительности, обнаруживаемыми в разговорном регистре русского языка: *И слава богу, что не привез какую-нибудь из этих расфуфыренных воображал… Индейки раскормленные.* В русском тексте фигура сравнения трансформируется в метафору, а вместо эпитетов используются разговорно-неодобрительные лексические единицы *расфуфыренный* и *воображала*. Фразеологизмы, построенные на метафоре и метонимии, сменяются контаминацией устойчивых словосочетаний, одно из которых является просторечным: *… мир, видно, перевернулся, коли девчонки совсем, молоко на губах не обсохло, а спят с мужчинами, какие им в отцы, а то и в деды годятся.* Хотя подобного рода трансформации путем замены снижают аутентичную образность в идиолекте героини, они сохраняют разговорный характер ее речи, при помощи которого передается неодобрительное отношение к девушкам, живущим по правилам, сложившимся в постколониальном обществе.

Сету – персонаж, через которого писательница в полной мере выражает свои идеалы, заключающиеся в стремлении к независимости и большему благополучию женского населения, находящегося в оковах не только колониального прошлого, но и сложившихся веками притеснения со стороны мужей. Так, например, героиня открыто противостоит своему мужу: *Since when did you start teaching me how to do my marketing? This is my job. A woman's job.* 'Когда это ты начал учить меня, как покупать товары? Это моя работа. Женская работа'. Ее недовольство нравоучениями Зиригу выражается путем использования риторического вопроса, в котором дополнение сопровождается дейктическим элементом *my* 'мой' – притяжательным местоимением, регламентирующим доминирующую роль Сету в домашних хлопотах. Вопрос сопровождается парцеллированными структурами, одна из которых является односоставным назывным предложением с эпифорическим повтором лексической единицы *job* 'a piece of work that you have to do' (часть работы, которую ты должен выполнить), намекающим на необходимость четкого разделения ролей. В переводе сохраняется вопрос, но парцелляция текста-оригинала трансформируется в бессоюзное предложение, что значительно снижает эмфазу в речи героини: *Ты еще меня учить будешь, что на рынке покупать? Я уж как-нибудь сама разберусь, это дело женское.*

Схожая идея о соотношении социальных ролей возникает в тексте позднее, уже в авторской ремарке, вынесенной в отдельную подглаву: *Dear Lord, what then is a black man who cooks and chores for black men?* 'Господи, кем же тогда является черный человек, который готовит еду для черных людей и присматривает за их домами?'. Этот фрагмент состоит из трех предложений, два из которых построены с повторением синтаксической модели – они являются сложносочиненными с обстоятельственными времени, а третье представляет собой риторический вопрос. В контексте подглавы автор рассказа выстраивает антитезу, построенную на антонимии *black – white* 'белый – черный' и *man – woman* 'мужчина – женщина', заставляя читателя самостоятельно ответить на вопрос о несуразности укладов, сформировавшихся в современных обществах независимых африканских государств. Также на себя обращает внимание вокатив *Dear Lord*, в котором слово *Lord* 'God or Christ' (Бог или Иисус Христос) необязательно соотносится исключительно с христианской догматикой, но может быть связано с любой из распространенных на территории Ганы религией – будь то христианство или ислам, представленный преимущественно на севере страны. Примечательно, что в тексте рассказа на русском языке этот текстовый фрагмент полностью опускается переводчицей, что невозможно рассматривать в качестве адекватной переводческой стратегии, так как подобного рода опущения нарушают концептуальную целостность текста и могут привести к неполному и недостаточному пониманию авторских ценностных ориентаций читателем.

Через религию демонстрируется и другая актуальная проблема, поднимаемая А. А. Айду в рассказе, – недостаточное, поверхностное понимание местных культурных особенностей как населением самой Африки, так и чужестранцами. Семья Зиригу и Сету – межконфессиональная: Зиригу исповедует христианство, а Сету – ислам: *Oh, Jesu preserve my soul. O Jesu! <…> Yes, my husband. Let us thank Allah for what he gives.* Можно заметить, что в диалоге с женой Зиригу обращается к Иисусу, используя вокатив, а Сету в ответ на ремарку своего мужа использует форму императива множественного числа.

CC BY

При этом обращения обоих персонажей к Богу происходят в рамках соседствующих в тексте реплик. В переводе сохраняются и императив, и формы звательного падежа, но для большей выразительности используется замена синонимами: *Боже сохрани! Господи, да что это ты, Сету, говоришь такое? <…> – Да, муж мой. Давай благодарить Аллаха за то, что дает он нам.*

Идея о многоконфессиональности Ганы возникает повторно ближе к концу рассказа, когда Зиригу обращается к Кобине: *She is a Moslem but I am not a Moslem. You people think all of us from the north are Moslems. It is because you do not know anything about the north.* 'Она мусульманка, но я не мусульманин. Вы думаете, что мы все с севера мусульмане. Это все потому, что вы не знаете ничего о севере'. В данном случае в речи Зиригу возникает антитеза, которая выражает неодобрение персонажа по отношению к окружающим, демонстрирующим слишком упрощенное понимание страны, в которой они проживают. Эта идея также подчеркивается вокативом *you people* 'вы, люди', в котором дейктический элемент указывает на поверхностность молодежи. В переводе С. Россовской данный вокатив, который не имеет эквивалента в русском языке, компенсируется изменением порядка слов: *Но я-то не мусульманин, хотя все и думают, будто на севере каждый верит в Аллаха. Это потому, что ничего вы о севере не знаете.* Замена позволяет сохранить критику Зиригу в адрес молодежи, но при этом и сохраняет особенности его идиолекта.

«For Whom Things Did Not Change», будучи построенным в виде небольших диалогов между персонажами, среди которых появляется лишь одна авторская ремарка, значительно отличается от рассказа «Other Versions», представляющего цельный монолог молодого человека Кофи. Юноша, обучающийся за рубежом, получает свою первую зарплату и желает поделиться ей с матерью, которая отказывается от денег и просит передать их главе семейства – отцу. Осознавая самопожертвование матери и не понимая, почему он должен делиться с отцом, не сыгравшим в его становлении значительной роли, Кофи чувствует себя потерянным и отстраненным. Чувствуя эту растерянность, молодой человек начинает относиться с почтением не только к своей матери, но и ко всем африканским матерям, сохраняющим гордость и бескорыстность в любых условиях. Через рассказ Кофи А. А. Айду также выражает свои взгляды на основополагающую роль женщины в ганской семье, ее готовность к самопожертвованию[14].

Идиолект персонажа характеризуется нормированностью и соблюдением правил стандартного английского языка, но вместе с тем в нем обнаруживаются черты разговорного регистра, что приводит к сокращению дистанции между персонажем рассказа и читателем: восклицательные и назывные предложения (*God!* 'Боже!'), междометия, характерные для ганского английского (*ei*, *eh*), прямые обращения к слушателю в виде вопросов с прямым порядком слов (*Because you know what?* 'Знаешь, почему?'). Эти особенности речи персонажа частично воссоздаются в переводе Е. Суровцева, однако иногда они перемещаются и трансформируются: к примеру, восклицание *God!* передается в переводе как *Черт подери!* Тем не менее, разговорный и искренний тон монолога Кофи в целом сохраняется в русском тексте.

На паратекстуальном уровне необходимо обратить внимание на название рассказа. На первый взгляд, оно не в полной мере соответствует содержанию текста и раскрывается только в ретроспекции – после прочтения. Лексическая единица *version* 'a particular form of something that is slightly different from other forms of the same thing' (особая форма чего-то, которая отличается от других форм этой же вещи) в контексте рассказа показывает новое отношение ребенка к своей матери, до сих пор не принятое в постколониальном обществе. По мнению литературоведов, «Other Versions», демонстрируя взаимодействие Кофи не только со своей матерью, но и с другими женщинами, оказавшимися в трудном положении, заставляет его в полной мере понять трудности, возникающие в семейной жизни. Более того, репрезентация женских образов в «Other Versions», дающая читателю надежду на постепенное переосмысление роли матери в семье, также контрастирует с другими рассказами цикла, в частности, трагическим «No Sweetness Here»[15]. В связи с этим представляется вполне логичным решение переводчика подвергнуть название рассказа трансформации путем замены с конкретизацией: название «Деньги для матери» в достаточной мере демонстрирует содержание рассказа вне контекста сборника, но при этом имплицитно выражает ценностные ориентации писательницы.

Когда мать Кофи узнает о том, что ее сын заработал первые деньги, в ее речи обнаруживаются различного рода эмфатические конструкции: междометия, риторические вопросы, лексические повторы, фигуры умолчания: *Ao, I too am coming to something in this world. Who would have thought it? <…> Now I too have got my own man who will take care of me…* 'Ого, я тоже приобретаю какой-то вес в этом мире. Кто бы мог подумать? <…> Теперь и у меня есть собственный мужчина, который позаботится обо мне'. При упоминании сына используется местоимение *own* 'belonging to or done by a particular person or thing' (принадлежащий или сделанный конкретным человеком или объектом). Интересно, что таким образом мать обозначает не своего мужа, который должен выполнять роль отца семейства, а сына. Вслед за этим она просит передать деньги отцу: *Hand it over to your father. He will certainly buy a bottle of gin and pour some to the ancestors.* 'Передай их своему отцу. Он безусловно купит бутылку джина и выпьет немного за предков'. Здесь неявно выражается отношение матери к своему супругу: с одной стороны, она требует уважения к нему, что подчеркивается императивной конструкцией, а с другой – через использование слова *certainly* 'безусловно', выражающего здесь эпистемическую модальность, намекает на пристрастие мужчины к алкоголю. При переводе этого фрагмента Е. Суровцев сохраняет междометия и эллипсис, но также включает окказионализмы и поэтические выражения, чтобы придать речи матери большую экспрессивность:

[14] Chetin S. Rereading and rewriting African Women: Ama Ata Aidoo and Bessie Head. Canterbury : University of Kent, 1991. 313 p.

[15] Pujolras I Noguer E. An African (Auto)biography: Ama Ata Aidoo's Literary Quest. Universitat Autónoma de Barcelona, 2010. 428 p.

CC BY

О-хо-хошеньки, наконец-то и мать за человека признали. <…> Появился-таки и у меня кормилец и поилец… Модальность в речи героини опускается и заменяется конструкцией с семантикой будущности, в результате чего понять отношение матери к отцу из-за нейтрального тона ее ремарки становится затруднительно: *Отдай их отцу. Он купит бутылку джина и окропит могилы предков.*

Будучи частью сплоченного общества, мать переживает за своего сына и понимает, что ему необходимо сохранять положительный облик среди окружающих: *Because then they shall not be able to say you have not given him anything since you started working.* 'Потому что тогда они уже не смогут сказать, что ты не дал ему ничего с того момента, как начал работать'; *All I want is for you to be happy and you shall not be if they say you are bad.* 'Все, что я хочу – чтобы ты был счастлив, но ты не будешь счастлив, если они скажут, что ты плохой человек'. Здесь интересно, что в речи матери другие люди обозначаются при помощи местоимения *they* 'они', что подчеркивает обезличенность толпы, мнение которой может как создать человеку репутацию, так и с легкостью разрушить ее. Следует обратить внимание на глагол *shall* 'должен, следует', который служит выражением положительной эпистемической модальности – полной уверенности матери в своих словах, основанных на ее собственном опыте. В переводе эпистемическая модальность заменяется на буломаическую: здесь можно видеть уже не уверенность героини в собственном жизненном опыте, а ее личные пожелания: *Мне надо лишь, чтобы тебе хорошо и счастливо жилось и чтобы о тебе не говорили плохого.* В данном случае решение переводчика кажется спорным, так как трансформация приводит к изменению образа героини: из уверенной в себе и умудренной опытом она превращается в обычную женщину, которая желает лучшего своему ребенку.

Кофи, как и его мать, неоднозначно относится к своему отцу, что можно проследить в зевгме, помещенной в состав параллельных структур: *Father pays the fees and complains all the time. Mother gets us clothes and feeds us too…* 'Отец платит взносы и постоянно жалуется. Мать достает нам одежду и тоже нас кормит'. Параллелизм с однородными сказуемыми позволяет читателю понять самоотверженность матери героя, но при этом и иронически иллюстрирует скупость отца, его нежелание расставаться с собственными финансами. Осознание несправедливости распределения ролей в семье выражается в речи Кофи фигурой эпизевксиса – моментального дословного повтора риторического вопроса с отрицанием: W*hy not Mother? Why not Mother? I kept asking myself* 'Почему не матери? Почему не матери? Я продолжал задавать себе этот вопрос'. В переводе параллелизм полностью опускается, но добавляется прямое обращение к матери, а эмфаза сохраняется в трансформированном виде – в качестве эпаналепсиса, фреймового повтора: *Почему не тебе, мама, почему?*

Будучи в США и видя в метро бедную женщину, напоминающую ему свою мать, Кофи испытывает сильное эмоциональное потрясение. Его эмоции передаются через парцеллированную конструкцию с лексическим повтором, при этом назывное предложение оформляется в отдельный абзац: *There was a black woman sitting to the left end of the opposite seat. Another black woman.* 'Напротив меня, ближе к левому краю, сидела черная женщина. Другая черная женщина'. Этот повтор полностью снимается переводчиком, но растерянность героя демонстрируется при помощи добавления авторских ремарок и фигур умолчания, отсутствующих в тексте оригинала: *Eh… eh… I come from Africa and you remind me of my mother.* – *«Э… э… – я не знал, как начать. – Я приехал из Африки… Вы напомнили мне мою мать…»*

В сильной позиции текста – завершающем предложении – изменение состояния героя выражается при помощи конвергенции синтаксических средств выразительности и привнесения перцептивной модальности с целью показать неподконтрольность эмоций, возникших у персонажа: *And as I stumbled through the exit, and up the stairs, I heard myself mutter, "O Mother".* 'Пока, спотыкаясь, я шел к выходу и поднимался по лестнице, я услышал, что бормочу: «О, мама»'. Синтаксический саспенс, построенный при помощи обособления обстоятельства места, нацеливает внимание читателя на модальную конструкцию и архаичный о-вокатив, выражающий почтенное отношение уже не только к своей матери, но и ко всем матерям Африканского континента. В переводе синтаксический саспенс создается при помощи обособленных деепричастных оборотов, но бурные эмоции персонажа также подчеркиваются синтаксически использованием фигуры умолчания после вокатива и лексически при помощи фразеологического оборота: *Чувствуя комок в горле, я бросился к выходу, бормоча на ходу: «Ах, мама!»*. Таким образом сниженная эмоциональность сказового повествования компенсируется переводчиком в заключительной части текста, что помогает читателю осознать и прочувствовать испытываемые Кофи эмоции.

Выводы

В рамках исследования были рассмотрены 20 аксиологически нагруженных фрагментов двух произведений А. А. Айду: 13 фрагментов рассказа «For Whom Things Did Not Change» и семь фрагментов рассказа «Other Versions». Выбор рассмотренных фрагментов текста был обусловлен их сильной позицией в рассказе – стремлением к равенству всех этнических групп людей, толерантному и доброму отношения к ближнему своему, равноправию мужчины и женщины в семейных отношениях и необходимостью поддержки женщин в тяжелых социальных и экономических условиях постколониальных государств.

По результатам анализа представляется возможным сделать вывод о том, что ценностные ориентации писательницы выражаются в текстах рассказов путем использования авторских средств выразительности всех уровней: фонетико-графических (графонов – намеренного изменения графического облика лексической единицы; эмфатической пунктуации, в частности, фигур умолчания); лексических (эпитетов, конвергенции метафор и метонимий, стилистически маркированных фразеологизмов); лексико-грамматических (фигур

CC BY

сравнения); синтаксических (парцелляции, нарушения порядка слов, синтаксического саспенса при помощи обособленных конструкций).

В текстах также встречаются не только языковые, но и текстовые маркеры авторских языковых средств. Так, ценностные ориентации А. А. Айду обнаруживаются в заглавиях рассказов, в интертекстуальных отсылках, а также находятся в непосредственной зависимости от образной структуры всего произведения, позволяя писательнице выразить свои идеи через взаимодействие идиолектов персонажей.

Перевод лингвоаксиологического наполнения текста-оригинала становится сложной задачей. При передаче ценностных ориентаций писательницы переводчики прибегают к различным видам переводческих трансформаций: перестановке и замене компонентов, антонимическому переводу, компенсации. Хотя некоторые решения кажутся спорными, в частности, недостаточно логичным кажется использование опущений в тех случаях, когда в них нет должной необходимости, в целом задача по сохранению аксиологической нагруженности текста-оригинала при переводе на русский язык оказывается решенной.

Список литературы

Астащенко Е. В. Родная литература как иллюстративный материал для разных курсов языка специальности (на примере африканской аудитории) // Язык и литература в зеркале литературы: образовательные практики: сборник научных трудов кафедры русского языка Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. Москва : ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина». 2023. С. 75-84. EDN MCTEFH

Гольцева Е. А. Роль лингвоаксиологического анализа текста на уроках русского языка // Наука и школа. 2022. № 4. С. 225-230. DOI 10.31862/1819-463X-2022-4-225-230. EDN KNKZDE

Kademi A. S. Language as a symbol of social status in Ama Ata Aidoo's "For Whom Things did not Change" // GNOSI: An Interdisciplinary Journal of Human Theory and Praxis. 2022. Vol. 5. № 1. P. 42-52.

Kombate K., Moro A. Gender-based violence in Ama Ata Aidoo's "No Sweetness Here" // European Journal of Literary Studies. 2021. Vol. 3. № 1. P. 137-148. DOI 10.46827/ejls.v3i1.310. EDN YQUCXX

Nyamwiza B. Representations of "The New Woman" in "Changes" and "Our Sister Killjoy" by Ama Ata Aidoo // East African Journal of Arts And Social Sciences. 2023. № 6 (1). P. 19-30. DOI 10.37284/eajass.6.1.1055. EDN QCHWPS

Sackeyfio R. Ama Ata Aidoo: Ghana's literary icon // African Studies Review. 2023. Vol. 66. № 4. P. 1031-1035. DOI 10.1017/asr.2023.82. EDN FONETH

References

Astaschenko, E. V. (2023). Native literature as an illustrative material for different language courses of specialties (based on the example of an African audience). *Language and literature in the mirror of culture*., 75-84. EDN: MCTEFH

Goltseva, E. A. (2022). The role of linguo-axiological analysis of a literary text in Russian language lessons. *Science and School, 4*, 225-230. EDN: KNKZDE. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-225-230

Kademi, A. S. (2022). Language as a symbol of social status in Ama Ata Aidoo's "For Whom Things Did Not Change". *GNOSI: An Interdisciplinary Journal of Human Theory and Praxis, 5*(1), 42-52.

Kombate, K., Moro, A. (2021). Gender-based violence in Ama Ata Aidoo's "No Sweetness Here". *European Journal of Literary Studies, 3*(1), 137-148. EDN: YQUCXX. https://doi.org/10.46827/ejls.v3i1.310

Nyamwiza, B. (2023). Representations of "The New Woman" in "Changes" and "Our Sister Killjoy" by Ama Ata Aidoo. *East African Journal of Arts and Social Sciences, 6*(1), 19-30. EDN: QCHWPS. https://doi.org/10.37284/eajass.6.1.1055

Sackeyfio, R. (2023). Ama Ata Aidoo: Ghana's literary icon. *African Studies Review, 66*(4), 1031-1035. EDN: FONETH. https://doi.org/10.1017/asr.2023.82

Информация об авторе

Яковлев Артем Игоревич – кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Information about the author

Artem I. Yakovlev – Cand. Sci. (Phil.) associate professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
Yaroslavl, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Поступила в редакцию 08.07.2025
Принята к публикации 21.08.2025
Опубликована 22.08.2025

Received 08 July 2025
Accepted 21 August 2025
Published 22 August 2025

CC BY